

КОНЦЕПТ «СТРАНА-ИЗГОЙ» И УГРОЗА МИРОВОЙ ИЗОЛЯЦИИ ДЛЯ РОССИИ

Е. А. Иуков

THE CONCEPT OF "ROGUE STATE" AND A THREAT OF GLOBAL INSULATION FOR RUSSIA

Е. А. Iukov

В статье рассматривается относительно новый концепт международной политики «страна-изгой», который активно продвигается США при выстраивании модели однополярного мира. Показана эволюция этого концепта и его принятие ведущими политическими игроками в современном мире. Анализируется ситуация с Россией как потенциальным «государством-изгоем». В работе показаны внутренние и внешние факторы, которые могут превратить современную Россию в страну-изгой. Делается вывод, что современная Россия не располагает актуальными технологиями и ресурсами, для адекватного ответа Западу в новой информационной войне.

The paper examines a relatively new concept in international politics – “rogue state”, which is actively promoted by the United States in building a model of the unipolar world. The evolution of this concept and its acceptance by the leading political actors in the today’s world is shown. The author analyzes the situation with Russia as a potential “rogue state”. The paper shows the internal and external factors that can turn contemporary Russia into a “rogue state”. It is concluded that modern Russia does not have the relevant technology and resources to respond adequately to the West in the new information warfare.

Ключевые слова: страна-изгой, мировая изоляция, Россия, информационная война, режим Путина.

Keywords: rogue state, global isolation, Russia, information warfare, the Putin regime.

В современных глобальных технологиях мирового доминирования появился концепт стран-изгоев. Стоит ли обращать внимание на новое словообразование? Однако за изобретением Рейгана, адресованным СССР («империя зла»), скрывалась глобальная стратегия и очередная ее операция Запада, которая завершилась распадом СССР. Поэтому анализ неслучайной терминологии, приоткрывающей неслучайные технологии межгосударственной борьбы современного мира, необходим для понимания и прогнозирования проблем жизнеспособности России в сегменте ее международной политики.

Понятие «страна-изгой» начало складываться в ходе разработки в США доктрины «Нового мирового порядка» в 1990-е гг. [1]. Первым вариантом этой концепции стал обнародованный в 1979 г. (администрацией Дж. Картера) список «государств-спонсоров терроризма». Затем «черный список» стал ежегодно обновляться госдепартаментом под наблюдением госсекретаря США. Он публикуется ежегодно в своде федеральных законов и в отчетах «Patterns of Global Terrorism». К 1993 г. в нем фигурировали семь стран: Ливия и Сирия (с 1979 г.), Ирак (впервые включен в 1979 г., затем исключен в 1982 г. и снова включен в 1990 г.), Иран (с 1984 г.), Куба (с 1982 г.), Северная Корея (с 1988 г.), Судан (с 1993 г.).

В сентябре 1993 г. советник президента США по национальной безопасности А. Лэйк применил термин «мракобесные государства» (backlash states) – в отношении государств, находящихся «вне круга» демократии и представляющих угрозу государствам, пребывающим внутри этого круга. После терминологической доработки Клинтон, выступая 9 января 1994 г. в Брюсселе, впервые ввел в оборот понятие «государства-изгой» («rogue states»), в числе которых назвал Иран и Ливию.

Термин быстро превратился в центральный элемент американской внешнеполитической риторики. Выстраивая новую модель однополярного мира, США ввели понятие «стран-изгоев» как особой категории субъектов международной системы, наряду с развитыми индустриальными странами, развивающимися демократиями и «неудавшимися государствами».

Понятию придавалось такое значение, что в 1993 – 1998 гг. велся учет частоты употребления термина «государства-изгой» во внешнеполитических сообщениях. Наиболее часто этот термин употреблялся в отношении Ирана (доля в общем числе употреблений – 29 %), Ирака (28 %) и Ливии (19 %).

В 2000 г. США заменили термин «государство-изгой» на более нейтральный – «государство, вызывающее озабоченность» («state of concern»). Содержание концепции при этом не менялось.

Администрация Дж. Буша реанимировала термин и усилила его характер, придав понятию нормативное значение – он вошел в текст Стратегии национальной безопасности США, принятой в сентябре 2002 г. Провозгласив борьбу с международным терроризмом ядром политики США, эта стратегия официально объявила «страны-изгой» главным врагом США.

Она закрепила принцип превентивного удара и односторонних действий США по всему миру по собственному усмотрению «еще до того, как возникающие угрозы окончательно сформируются... или достигнут наших границ...».

В этом документе нет ни слова о Совете Безопасности ООН. Таким образом, США декларировали свое право определять список «стран-изгоев» без участия ООН. Были расширены и критерии отнесения стран к «изгоям» – ими теперь становятся и те, которые могут передать оружие массового поражения «международным террористам», а также те, кто куль-

тивировать «ненависть к США». Эти произвольно трактуемые критерии устраняют всякие рациональные рамки, ограничивающие возможности для политического шантажа со стороны США.

После сентября 2001 г. концепция «государств-изгоев» была дополнена более жестким понятием «ось зла» («Axis of evil»). Впервые оно было употреблено в обращении президента к Конгрессу 29 января 2002 г. Речь уже шла о системе «государств-изгоев». В этом понятии соединены метафоры двух главных врагов США в XX в. – фашизма (государства «оси») и коммунизма («империя зла»). Термины «ось зла» и «государства-изгой» стали взаимозаменяемыми.

Это было важным сдвигом к тоталитарному видению мира. З. Бжезинский даже предупреждал в 2003 г.: «После трагедии 11 сентября администрация США оказалась во власти параноидального представления о мире. Суть такого представления отражена в заявлении президента Буша от 20 сентября 2001 года: «Или вы с нами, или с террористами» [2]. Ряд политологов в США предупреждали о риске, с которым была сопряжена такая установка, и эти опасения подтверждаются.

В 1990-е гг. США следовали упрощенной формуле С. Хантингтона: «The West and the Rest» («Запад и все остальные»). Сегодня США, как виновник нового мирового кризиса, оказались в ситуации «USA and the Rest». Как отмечают, это «означает кризисное состояние всего человечества, из которого нет выхода на основе традиционного миропонимания и традиционных ценностей».

Введение во внешнюю политику США категории «государство-изгой» означало подрыв системы современного международного права. Сам этот термин не закреплен ни в одном международно-правовом документе, что делает его применение произвольным. Видные философы – например, Ноам Хомский и Жак Деррида – убедительно показывали, что само это понятие носит пропагандистский и империалистический характер и лежит вне понятийного аппарата права. Тем не менее, термин «государства-изгой» подхватили и активно используют СМИ. В последние годы он проникает в научную литературу и даже учебники по международному праву.

Отношение к концепции «государств-изгоев» само стало предметом международной политики и показателем той политической философии, на которой базируется внешнеполитическая доктрина того или иного государства. В целом, вне США концепция «изгоев» была встречена скептически.

Все американские союзники, за исключением Британии, Канады и Украины, отказались использовать данную категорию в своей внешней политике. В 1990-е гг. руководство России предпочитало не высказывать свою позицию по данному вопросу. В обществе в целом преобладало отрицательное отношение ко всей доктрине «Нового мирового порядка» и к лежащим в ее основе понятиям. Так, Р. И. Хасбулатов сразу после атаки на небоскребы в Нью-Йорке писал в «Независимой газете»: «Высокомерие, шантаж, угро-

зы, давление – все это должно решительно пресекаться. С таких позиций важно осудить введение в международные политические отношения категории «стран-изгоев» и устранить из лексикона даже сам этот термин» [12].

После 2000 г. в умеренных терминах было выражено несогласие с этой концепцией и официальными лицами. В 2002 г. министр обороны РФ заявил: «Мы не сторонники термина “государства-изгой”. Мы против того, чтобы говорить об «оси зла». Мы предпочитаем говорить о дуге напряженности, которая возникла от Филиппин до Косова... Конечно, проблема международного терроризма существует, но это не значит, что надо клеить произвольно ярлыки» [4].

Тем не менее, этот термин и стоящие за ним концепции осваиваются и российскими СМИ, и государственными чиновниками РФ. Вот примеры.

1 июля 2009 г. заведующий отделом стран СНГ Российского института стратегических исследований при Президенте РФ А. Скаков заявил в интервью: «В последнее время Белоруссия перестала быть страной-изгоем. Некоторые шаги президента Лукашенко в сторону Запада сразу же решили все вопросы, связанные с демократией Белоруссии. Тем более я бы не относил к странам-изгоям Кубу и Венесуэлу. С гораздо большей степенью достоверности страной-изгоем можно назвать Грузию, президента которой после событий августа прошлого года практически перестали принимать в западных столицах. Еще одной страной-изгоем можно назвать Северную Корею» [9].

14 октября 2009 г. зав. кафедрой общей политологии Высшей школы экономики Л. Поляков, выступая на секции «Глобальный мир: амбиции суверенной России» Форума «Стратегия 2020» дал классификацию стран в современном мироустройстве. Он разделил их на пять категорий: «Первая – страна-лидер, которая задает повестку дня и создает предпосылки для их реализации. Вторая – страна, которая публично не претендует на статус страны-лидера и в своей политике играет на противоречиях других игроков. Третья позиция – создание коллективного субъекта глобального мира. Четвертая – страна-сателлит. И пятая – страны-изгой, которые сознательно занимают позицию изоляции» [7].

А как обстоят дела с Россией, как потенциальным «государством-изгоем»?

Эта концепция никогда ранее не применялась по отношению к той категории держав, к которой относится Россия. Пока она располагает ядерным оружием и обладает авторитетом в мировом сообществе, угроза превратить ее в «изгоя» может применяться лишь в качестве шантажа. Тем не менее, в условиях нарастающей нестабильности, осложнения ситуации на Украине и введения ряда санкций со стороны США и Европы эта угроза должна стать предметом анализа.

Можно выделить следующие основания для весьма высокого уровня риска России превратиться в страну-изгоя.

– Внутренний цивилизационный кризис в России, приводящий к неопределенности ее внешнеполитической позиции в процессе глобализации.

– Интенсивное воздействие западных СМИ на массовое сознание, заранее создающее образ России как «rogue state».

Рассмотрим эти факторы риска подробнее.

Для постсоветской России выстроить эффективную идеологическую защиту против угрозы представления ее как варварской страны было сложно потому, что вся доктрина реформ 1990-х гг. была основана на отрицании цивилизационного статуса СССР. Режим Ельцина признал трактовку СССР как «империи зла». Россия как правопреемник СССР изначально приняла на себя это клеймо. Ярлык «империи зла», который в 1980-е гг. не имел успеха в мировом общественном мнении, теперь был легитимизирован признанием политического режима самой Россией.

Попытка этого режима «встроиться» в Запад, явившись с повинной, не удалась; в довольно грубой форме было сказано: «Нет никаких оснований считать Россию частью Европы». Возникла тупиковая ситуация: новая элита России с энтузиазмом доказывала, что СССР был «империей зла», но одновременно требовала признать РФ «частью западной цивилизации», хотя попытка переделать советские общественные институты по западным образцам провалилась. Запад категорически отказывался признать родство с «криминальным капитализмом» российских нуворишей. Попытки представить институты постсоветской России продуктом самобытной «суверенной демократии» запоздали и не были убедительными. Политики променяли добытый за три века статус России как крупной локальной цивилизации на конъюнктурные выгоды антисоветизма.

К тому же, внимательное наблюдение западных социологов за массовым сознанием в России показало, что оно отвергает идею «вступления в Запад», сохраняет державные («имперские») установки и не приемлет доктрину «Нового мирового порядка». Более того, обнаружилось тотальное осуждение войны НАТО в Югославии и почти тотальное осуждение войны США в Ираке. Уже это делало Россию кандидатом в «страны-изгои» по критерию «ненависть к США». Интеллектуальные и культурные средства, с помощью которых пытались разрешить этот латентный конфликт, были неадекватны.

Еще важнее, что в России возник внутренний конфликт установок элиты и массы относительно ее цивилизационного статуса. Это привело к вялому кризису легитимности политического порядка, что ослабляло позиции России в международных делах. Успех советской индустриализации и научно-технического строительства, победа в Великой Отечественной войне во многом были обязаны преодолению цивилизационного раскола.

Это позволило на время нейтрализовать русофобию Запада. Россия (СССР) была признана как полноценная цивилизация массовым сознанием Запада

или, по крайней мере, перестала балансировать на грани «страны-изгоя».

А. С. Панарин пишет: «В той мере, в какой старому русскому “национал-патриотизму” удалось су-блимировать свою энергетику, переведя ее на язык, легализованный на самом Западе, этот патриотизм достиг наконец-таки точки внутреннего равновесия. И западническая, и славянофильская традиции по-своему, в превращенной форме, обрели эффективное самовыражение в “русском марксизме” и примирились в нем...»

Советский человек, таким образом, преодолевший «цивилизационную раздвоенность» русской души (раскол славянофильства и западничества), наряду с преодолением традиционного комплекса неполноценности, обрел замечательную цельность и самоуважение. В самом деле, на языке марксизма, делающем упор не на уровне жизни и других критериях потребительского сознания, обреченного в России быть “несчастливым”, а на формационных сопоставлениях, Россия впервые осознавала себя как самая передовая страна и при этом – без всяких изъянов и фобий, свойственных чисто националистическому сознанию» [6, с. 140].

Реанимированный в 1960-е гг. антисоветский проект представлял собой попытку реванша либеральной ветви западничества. К 1980-м гг., при поддержке противника СССР в холодной войне, он дозрел до гражданской цивилизационной войны. В состоянии цивилизационной раздвоенности постсоветская Россия не смогла примкнуть ни к одному лагерю в конфликте, который возник в мире из-за претензий США на роль мирового лидера.

Более того, «параноидальное представление о мире» загоняло в тупик и сами США. Определенная позиция России могла бы способствовать коррекции иррационально мессианского курса администрации Буша. Она бы нашла отклик и в самом американском обществе. Война в Ираке привела к инверсии всей концепции «Нового мирового порядка» – в изоляции оказывались сами США. Бжезинский писал в 2003 г.: «Сегодня в положении страны-изгоя оказались Соединенные Штаты. В ходе трех минувших недель в Генассамблее ООН дважды ставилась на голосование резолюция по ситуации на Ближнем Востоке. В ходе первого голосования соотношение было таково: 133 страны «за», 4 страны «против», а во время второго голосования «за» высказались 144 страны. Против резолюции вновь проголосовали 4 страны. Это США, Израиль, Маршалловы острова и Микронезия. За резолюцию подали свои голоса Япония и все наши союзники по НАТО, включая Великобританию и так называемую «новую» Европу» [2].

В том же 2003 г. в США вышла книга президента Института экономической стратегии при Конгрессе США Клайда Престовица «Страна-изгой. Односторонняя полнота Америки и крах благих намерений» [8 с. 145]. В этой ставшей широко известной книге Престовиц подвергает резкой критике концепцию однополярного мира и отвергает доктрину Дж. Буша о

праве США на ведение превентивных войн. Он предупреждает, что «руководствуясь во внешней политике доктриной однополярного мира, Америке суждено двигаться по пути сильного, но одинокого государства-изгоя».

Одним из критериев отнесения страны к категории «изгоя» является «уродливая экономика». Реформа 1990-х гг. в России, которая декларировала утопическую цель создания экономики западного типа, лишь изуродовала народное хозяйство и привела к патологической нежизнеспособной экономической системе.

Б. Н. Ельцин писал: «Наверное, по-другому было просто нельзя. Кроме сталинской промышленности, сталинской экономики, адаптированной под сегодняшний день, практически не существовало никакой другой. А она генетически диктовала именно такой слом – через колено. Как она создавалась, так и была разрушена [3, с. 300]. 20 лет спустя после гайдаровских реформ иначе как нелепостью подобные умозаключения не выглядят».

Страна с полуразрушенной криминализованной экономикой и коррумпированным управлением – естественный кандидат в «изгои». Противодействовать созданию такого образа постсоветской России было трудно.

К концу 1990-х гг. такое противодействие требовало уже системных действий как обороны в информационной войне. К такой войне Россия оказалась не готова еще в большей степени, чем СССР в 1970 – 1980-е гг.

Главный потенциал в такой войне составляют организованные сообщества гуманитарной интеллигенции и специалистов в социальных науках, а также СМИ. Все эти структуры, унаследованные от СССР в морально устаревшем и деморализованном состоянии, были добиты в 1990-е гг. и находятся в процессе деградации. Напротив, их западные соперники за 1990 – 2000-е гг. перешли на новый методологический и технологический уровень. Они оснащены новым знанием антропологии и социальной психологии, накопленным при изучении перестройки и «бархатных революций».

Провал российского обществоведения лишил научного обеспечения системы информационной безопасности. Россия ничего не смогла противопоставить новым технологиям манипуляции сознанием как на самом Западе, так и на постсоветском пространстве. Это показали «оранжевые революции» и последние события на Украине.

Более того, те сообщества гуманитарной интеллигенции и СМИ, которые сформировались уже как авангард антисоветской революции, заняли в превентивной информационной войне после 2000 г., в основном, сторону США. США продолжали программу разрушения советских мировоззренческих и культурных структур, в то время как политический режим В. В. Путина стал тормозить это разрушение.

О том, что речь шла именно об информационной войне, говорят красноречивые заголовки сотен статей

ведущих западных газет. Вот примеры: «Паранойя Владимира Путина изолирует Россию» (США), «Поражение Путина, надежда для России» (Франция), «Никогда не доверяй бывшему агенту КГБ» (Великобритания), «Сказать “нет” фашизму и Владимиру Путину» (США), «Когда Путин крадет, надо бить тревогу» (США), «Россия: Преступная логика берет свое» (США), «Путин и приливная волна паранойи» (США), «Путин ведет Россию к фашизму» (США), «Владимир Путин хочет померяться силами с демократией, Западом и всеми желающими» (Великобритания), «Скоро путинскому режиму конец» (США) [5].

Содержание статей отвечало заголовкам: «России Путина» приписывались все атрибуты «государства-изгоя». Так, «The Wall Street Journal» писала: «Европа потеряла надежду на Путина. Уже нет надежды на то, что в России установится социальная демократия европейского типа или даже диктатура в стиле Пиночета, направленная на стимулирование экономических реформ».

Бжезинский утверждал, что все шаги режима Путина «идут лишь в одном направлении: в сторону от демократии по пути к авторитарному порядку, в котором уже видны черты фашизма Муссолини». Влиятельная «Вашингтон пост» писала о В. В. Путине: «На прошлой неделе Путин назвал развал Советского Союза “величайшей геополитической катастрофой века” и добавил про “разрушение старых идеалов”. То, что ветеран КГБ будет жалеть о разрушении идеалов государства-гулага еще как-то можно понять. Но ...если при нынешнем “решительном и беспощадном” Путине произойдет хотя бы половина всех несчастий, ожидающих Россию в случае неблагоприятного сценария, это даст нешуточный повод для беспокойства прежде всего Соединенным Штатам – например, по поводу безопасности огромных российских ядерных арсеналов или надежности тысяч ракет, которые еще могут уничтожить и нашу страну, и весь остальной мир» [11].

В ответ на это Россия с ее внутренней раздвоенностью и неопределенностью цивилизационного выбора отделялась примиряющими жестами, избегая диалога по принципиальным проблемам. Это заведомо проигрышная тактика, ибо в информационных войнах «вода камень точит».

«Демонизация» России носит в западных СМИ систематический, непрерывный характер. Вместо того чтобы выстроить систему противодействия, не переходящего в конфликт (что требует творческих усилий, но вполне возможно), идеологические службы государства замалчивают этот факт.

Вот одно из немногих исследований того образа России, который выстраивают ведущие британские газеты. Была изучена сплошная выборка статей по «русской тематике» в газетах The Independent, The Times, The Telegraph, The Observer, The Guardian (свыше 500 статей). Авторы пишут: «Одним из наиболее распространенных стереотипов, явно или подспудно присутствующих в подавляющем большинстве статей, где описывается или упоминается Россия, оказа-

лось варварство русских. Британцы смотрят на Россию (национальный характер, менталитет, культуру, историю и др.) как на варварскую страну».

А вот выводы большого социологического опроса: «Ведущей характеристикой россиян оказывается в массовом сознании мирового сообщества (в опросе участвовало пять миллионов человек) насилие и, очевидно, склонность к насилию... По частоте употребления в контексте со словами Russian и Russia «брутальность» России – еще один синоним варварства – является едва ли не ключевым, «устойчивым эпитетом»... Это – подспудное отрицание человеческой природы русских [10].

На все эти приемы бесполезно отвечать логическими аргументами или апеллировать к праву – обвинения лежат в сфере ценностей, а их эффективность определяется монополией западных СМИ на интерпретацию фактов и явлений. Ответ здесь должен быть «асимметричным», но адекватными когнитивными и технологическими средствами для него постсоветская Россия до сих пор не располагает. Для их создания нужно выстроить новое обществоведение и определить собственный цивилизационный выбор в реальном общественном диалоге.

Литература

1. Бартенев В. И. Концепция «государств-изгоев» во внешней политике США // Международные процессы. 2009 № 1(19).
2. Бжезинский З. К. Мир утратил доверие к политике США // The Washington Post. 11.11.2003.
3. Ельцин Б. Н. Записки президента. Соч. М.: Огонек, 1994. 399 с.
4. Иванов С. Б. Пресс-конференция министра обороны 12 февраля 2002 г. // Независимая газета. № 26(2580) Режим доступа: <http://www.ng.ru/gazeta/2002-02-12/> (дата обращения: 03.03.2015).
5. Крупнов Ю. В. Оранжево-березовые против Путина и России // Информационное агентство Росбалт 14.01.2005. Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/main/2005/01/14/192262.html> (дата обращения: 03.03.2015).
6. Панарин А. С. Народ без элиты // сб. ст. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. 352 с.
7. Поляков Л. В. Заседание секции «Глобальный мир: амбиции суверенной России». Режим доступа: <http://polit.ru/article/2009/10/14/2020/> (дата обращения: 03.03.2015).
8. Престовиц К. Страна-изгой. Односторонняя полнота Америки и крах благих намерений. М.: Амфора, 2005. 606 с.
9. Скаков А. Ю. Как обуздать Северный Кавказ, вернуть Белоруссию и подружиться с Грузией. Интервью // Эксперт. 01.07.2009. Режим доступа: <http://expert.ru/dossier/story/213699/> (дата обращения: 05.03.2015).
10. Телегина И., Белоусов К., Зелянская Н. СМИ Британии: «Брутальный, грязный русский медведь» // "СМИ2" Россия, 01.03.2008. Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20080301/239937.html> (дата обращения: 03.03.2015).
11. Хайатта Ф. Режим Путина: за репрессии придется платить // The Washington Post. 02.05.2005.
12. Хасбулатов Р. И. Мир в роковой час // Независимая газета. 19.10.2001. Режим доступа: http://www.ng.ru/ideas/2001-10-19/11_world.html (дата обращения: 03.03.2015).

Информация об авторе:

Иуков Евгений Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук КемГУ, iukov@mail.ru.

Evgeny A. Iukov – Candidate of Political Science, Assistant Professor at the Department of Political Science, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 12.03.2015 г.